

КАК В ЛАИШЕВСКОМ УЕЗДЕ С ПЬЯНСТВОМ БОРОЛИСЬ

Миронова Е. В., кандидат исторических наук

IN DISTRICT OF LAISHEV OF THE FIGHT AGAINST ALCOHOLISM

Mironova E. V.

Характерной чертой повседневной жизни провинциального человека было увлечение спиртными напитками. Без них не обходились ни народные гулянья, ни свадьбы, ни похороны, ни празднование хорошего урожая. А если пивная лавка находилась поблизости к дому, то ничего не затрудняло злоупотребления алкоголем в будние дни. В 1868 г. сельские общества получили право самостоятельно выдавать разрешения на питейные дома¹, благодаря чему приобрели существенный источник дохода. Так, жители с. Урай сообщали корреспонденту «Волжского вестника»: «В былое время кабак наш приносил миру до 800 рублей арендной платы ежегодно»². Однако заведение имело ярых противников в числе крестьянских семей, «старшие члены которых частенько посещали кабачок и возвращаясь домой под хмельком не прочь были побуянить-подебоширить»³. И в начале 1880-х гг., на основе общинного приговора лавочка была закрыта. А всех односельчан, занимавшихся подпольной продажей водки, решили, кроме предания суду, штрафовать

на сумму 50 рублей в пользу общества.

После принятия Правил о раздробительной (розничной) продаже напитков в 1885 г. только мамыдышский купец Щербаков подал 800 прошений об открытии питейных лавочек в Лаишевском уезде, местный купец Макашин – 120 аналогичных заявлений, а лаишевский купец Я. Ф. Максимов обратился в уездное земство с прошением продать ему здание бывшего винного подвала. Кроме них, существовало множество мелких коммерсантов, также желавших торговать алкоголем. Так, в вышеупомянутом с. Урай с января 1886 г. с разрешения акцизного управления новые заведения распахнули свои двери для всех «желающих повеселиться»⁴. Две питейные лавки достались местным крестьянам – Чиркову и Козенкову, а третья и ведерная – оптовому виноторговцу Щербакову.

Это спровоцировало запрети-тельные приговоры «о нежелании иметь у себя питейные заведения». По правилам 1885 г. сельские общества сохранили возможность закрыть все существовавшие лавки, хотя

и утратили право выдачи разрешений на открытие новых. Кроме того, крестьяне отказались предоставлять Щербакову в аренду здание, не взирая на все его угрозы.

Особенно хорошо продажа алкоголя шла в селениях, в которых находились пристани или устраивались базары. В период навигации почти каждый крестьянский дом с Мурзиха старался «зашибить копейку», угощая у себя приезжую публику не только чаем, но и крепкими напитками. В с. Тюлячах с огромным базаром и ярмарками, проводимыми 2 раза в год, торговцев всегда радушно принимали в многочисленных питейных заведениях. Только в базарные дни выручка одной лишь винной лавки превышала тысячу рублей⁵. Неслучайно в начале XX в. на это село приходились 3 пивные лавки, 1 казенная винная, трактир и ренсковый погреб.

Законодательно жители не могли противодействовать виноторговле, так как право сельских обществ о составлении запретительных приговоров не распространялось на населенные пункты с базарами или находившиеся у пристаней, перевозов, железнодорожных станций⁶. Тем не менее, тюлячинцы неоднократно составляли запретительные приговоры. Корреспондент «Камско-Волжской речи» в 1912 г. сообщил, что крестьянам удалось добиться определенных успехов в борьбе за трезвость: «В виду прекращения торговли крепкими напитками, в селе воцарилась образцовая тишина и порядок, чего здесь никогда не наблюдалось. Село пьянствовало до последней степени,

в каждый праздник вина и пива выпивалось на сотни рублей ежедневно, в особенности в базарные дни. Немало доставалось от такого пьянства дела и местному волостному суду. В каждый базар составлялось в среднем от 30–40 протоколов за бесчинства и безобразия⁷. По всей видимости, в заметке говорилось о закрытии только одной лавки, а не о полном запрете продажи алкоголя. Подобными сообщениями о закрытии питейных лавок на основе общинных решений пестрили местные газеты начала XX в.⁸

Некоторые виноторговцы старались обойти запреты, например, сохранив лавку в этом же селении, но на территории другого общества. Так, жители Бетьков, обеспокоенные намерением акцизного ведомства перенести винную лавку с окраины села на церковную площадь, составили приговор. Они мотивировали свое решение тем, «что молящимся будут видны все безобразия, неизбежно сопутствующие винной лавке»⁹. Кроме того, местным церковно-приходским советом возбуждено такое же ходатайство. Приказчики винной и пивной лавок подали жалобы на крестьян – земскому начальнику, а на местного священника – архиерею. И хотя приговор был признан земским начальником вполне законным, энергично шла подготовка помещения под винную лавку. Видимо, с расчетом получить согласие от второго общества из 6 домохозяев.

Борьба сторонников трезвости с защитниками «казенки» не была редкостью в уезде. Весной 1914 г.

крестьяне нармонского 1-го сельского общества Астраханской волости составили приговор о закрытии в деревне казенной винной лавки, о чем с соответствующим ходатайством обратились к губернскому начальству. Вслед за ними прямо противоположный приговор составило приговор нармонское второе общество, которым «единогласно постановило оставить в деревне казенную винную лавку». Мотив сторонников был довольно простой – оставить лавку, чтобы не пришлось ходить в соседние селения. За это ратовали, в основном, молодые «домохозяйства»¹⁰.

Например, взамен ликвидированной в Мансурове казенной винной лавки рассматривалось открытие в соседних Мысах Сараловской волости. И только противодействием местной «партии трезвых крестьян» открытие было поставлено под вопрос¹¹.

Городские власти, в отличие от сельских, обладали большим простором в регулировании численности питейных заведений. И хотя лавки приносили ощутимый доход в муниципальную казну, думские гласные немало были обеспокоены и поддержанием правопорядка. Поэтому после утверждения правил о розничной торговле 1885 г. были приняты постановления, суть которых сводилась к тому, чтобы сделать реализацию спиртных напитков более прозрачной и облегчить надзор за ними со стороны полиции.

Трактиры, в которых продавался алкоголь, должны были состоять из двух комнат – одна предназначалась

для посетителей, другая – для приготовления блюд согласно меню. Никакой мебели, кроме столов и стульев, быть не должно¹², чтобы исключить проживание и оказание дополнительных услуг. По последней причине в гостиницах, трактирных заведениях, ведерных, винных и пивных лавках женская прислуга не допускалась.

Вводились ограничения на мебель в винных и ведерных лавках, в которых устраивались только стойки и полки. В свободное от розлива время отделения должны быть закрыты. Пивные лавки состояли из одной комнаты для посетителей, рядом с буфетом, из мебели – только столы, стулья, вешалки.

Предписывалось употребление крепких напитков исключительно в помещении (либо дома), выходить на крыльцо или на улицу запрещалось. А чтобы облегчить полицейский контроль, вход освещался фонарем¹³. Лавки должны были иметь характерные для них вывески двух цветов – красного и белого, с обязательным указанием наименования учреждения – «ведерная лавка» или «винная лавка», а также фамилии владельца¹⁴.

Толчком к массовому закрытию питейных заведений послужила Первая мировая война. Подобная практика уже применялась в Русско-японскую войну, и в 1914 г. правительство вновь обратилось к этому опыту, и на время призыва запретило продажу алкоголя: «Мобилизация оживила наш тихий и сонный городок... Все дома обывателей заняты запасными и их семьями... торговля вином за-

мерла. Казенная винная и все пивные лавки и ренсковые погреба закрыты. Вина доставать негде... На улице не встретишь ни одного пьяного. Всюду царит трезвость, на фоне которой резко выделяется необычная обстановка деревенских жителей»¹⁵.

Увидев положительный эффект от запрета продажи спиртных напитков, правительство распространило «сухой закон» на все время войны. И на местах последовали соответствующие постановления органов самоуправления. Лаишевская городская дума единогласно запретила торговлю спиртными напитками, пивом, виноградным и ягодными винами во всех питейных заведениях города, клубах и даже ресторанах 1-го разряда¹⁶. Аналогичное решение о прекращении торговли спиртными напитками во всех местах Лаишевского уезда было принято и земством¹⁷.

С ограничением легального производства и продажи алкоголя население вернулось к старым дедовским способам изготовления крепких напитков. Продавцов такой продукции прозвали в народе «шинкарями», которых стало особенно много в первый военный год. Так, уже к концу июля 1914 г. в Сараловской волости не осталось ни одной пивной или казенной винной лавки. Но всюду получило развитие «шинкарство», которое не могли побороть ни местный полицейский урядник, ни волостные и сельские власти. К примеру, в с. Ташкирмень на 300 дворов приходилось около 100 шинкарей¹⁸. Описывая ситуацию в одном из уездов Казанской губернии, корреспон-

денты отмечали, что домашнее пивоварение и винокурение буквально «углубилось в землю»: «Вся работа производится в особых тайниках-окопах, трудно уловимых для полицейского надзора». Одновременно винокуры увеличили цену на предмет своего производства, продавая за 90 коп. бутылку изготовленной таким образом водки, известной под названием «ханжи»¹⁹.

Чтобы искоренить пьянство, требовалось не только лишить людей водки, но и дать им более благопристойные развлечения. В конце XIX в. в уездном центре был создан филиал Казанского общества трезвости. Целью отдела провозглашалось противодействие употреблению спиртных напитков среди населения г. Лаишева. Для достижения этой цели предусматривалось открытие чайных, столовых, библиотек, читален, лечебниц для алкоголиков, а также организация развлекательных мероприятий без употребления спиртных напитков.

Лаишевская дума, чтобы помочь местному отделу общества, в 1896 г. предоставила здание на Средней улице для открытия чайной-читальни. Лаишевский исправник сообщал губернатору, что препятствий не имеется и даже желательно ее появление, поскольку в городе есть только трактиры, посещение которых сопряжено с пьянством, а в чайной можно провести время с пользой и за ничтожную цену выпить чаю. Книгами посетители пользовались бесплатно. Быть заведующим читальни изъявил желание священник А. И. Дмитриевский.

Помещение, в котором размещалась чайная, прежде занимал трактир. Кроме символического значения, такой выбор оказался удачен и для пользы дела. Сюда по привычке стали заходить купцы, прежде посещавшие трактир. Они пили чай, обсуждали дела, однако их обычным посиделкам не хватало чтения местных газет «Волжский вестник» и «Казанский телеграф». Председатель Лаишевского отдела общества трезвости возбудил ходатайство перед губернатором о разрешении выдавать эти газеты, так как в списке допущенных к употреблению в читальнях газет и журналов они не числились. К счастью, этот вопрос был довольно скоро решен положительно.

Земство также не оставалось в стороне и старалось оказать сильную помощь. Так, в 1901 г. собрание сложило с городской чайной недоимку по земскому сбору «в виду симпатичности такого учреждения»²⁰.

Кроме вышеназванного общества, борьбу с пьянством развернуло уездное попечительство о народной трезвости. Согласно уставу от 20 декабря 1894 г., комитеты выполняли некоторые надзорные функции – в частности, следили за соблюдением правил торговли крепкими напитками, а главное просветительские – для этого устраивали народные чтения о вреде злоупотребления алкоголем²¹.

Сельские власти сочувственно относились к целям попечительства, предоставляя им одни из лучших зданий. Например, бесплатная на-

родная читальня с. Мурзихи размещалась в одном доме с почтой и телеграфом. Ее заведующим стал местный молодой приходской священник о. Терпиловский²². Показы туманных картин всегда набивали в избу толпы людей. Так, накануне временного закрытия мурзихинской читальни, вызванного разливом р. Кама весной 1912 г., собрались все пожилые, подростки и десяток мужиков, чтобы прослушать рассказы о вреде пьянства и описание святых мест Палестины²³. А крестьяне с. Мансурова после закрытия всех пивных лавок по праздникам охотно направлялись в библиотеку попечительства²⁴.

Таким образом, однозначного отношения к питейной торговле не наблюдалось. Была внутренняя борьба между желанием органов самоуправления заработать и сохранить порядок в обществе. Вместе с тем и само население было расколото, часть была привержена «зеленому змию», другие хотели спокойствия.

Ни один из законов, ограничивающих продажу алкоголя, не был в состоянии ликвидировать пьянство, так как жители занимались домашним пивоварением и винокурением. Хотя продолжали преобладать запретительные способы борьбы с питьем, постепенно общество понимало, что следует искоренить одну из главных причин алкоголизации населения – отсутствие досуга. Предпринимаемые меры вызывали сочувствие у многих жителей уезда, способствуя распространению трезвого образа жизни.

Сведения об авторе: Миронова Елена Валерьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, e-mail: Yelena.Mironova@yandex.ru.

Аннотация: Описывается борьба с пьянством в Лаишевском уезде как со стороны местного населения, так и общественных и правительственных организаций. Зачастую, даже сами жители селения не могли добиться закрытия питейных заведений по закону. В то же время запреты правительства не достигали цели, поскольку организовывалось подпольное самогонварение. Сделан вывод, что общество неоднозначно воспринимало борьбу с пьянством.

Ключевые слова: Казанская губерния, Лаишевский уезд, питейные заведения, Общество трезвости.

Abstract: The article describes the fight against drunkenness in district of Laishev by the local population and public and government organizations. Often, even the villagers themselves could not achieve the closure of drinking establishments by law. At the same time, the government's bans did not achieve the goal, since underground moonshine was organized. The conclusion is made that the society ambiguously perceived the fight against drunkenness.

Keywords: Kazan province, Laishevsky district, drinking establishments, Society of temperance.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1 Шевченко И. А. Дело о закрытии питейных заведений села Максимовки Самарской губернии в Государственной думе Российской империи III созыва // Манускрипт. 2018. № 11(97). Ч. 2. С. 237.
- 2 Русский вестник. 1885. Т. 180. С. 555.
- 3 Там же.
- 4 Там же.
- 5 Тюлячи (Лаишевского уезда). Против пьянства // Камско-Волжская речь. 1912. № 107. 16 мая.
- 6 Карандашев Г. В. Крестьянская повседневность: потребление алкоголя в российской глубинке в конце XIX – начале XX века // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 1. С. 370.
- 7 Лаишевский уезд. Трезвая деревня // Камско-Волжская речь. 1912. № 207. 18 сентября.
- 8 Тюлячи (Лаишевского уезда). Против пьянства // Камско-Волжская речь. 1912. № 107. 16 мая.
- 9 Бетьки (Лаишевского уезда). Борьба из-за винной лавки // Камско-Волжская речь. 1912. № 132. 14 июня.
- 10 Лаишевский уезд. Два приговора и шинкарство // Камско-Волжская речь. 1914. № 165. 26 июля.
- 11 Там же.
- 12 Обязательные постановления для жителей гор. Лаишева, состоявшиеся согласно 103–106 ст. Гор. пол., в заседании Лаишевской городской думы 10 апреля 1883 г. – Казань: тип. А. А. Родионова, 1889. С. 12.
- 13 Там же. С. 13.
- 14 Там же. С. 14.
- 15 Лаишев. Мобилизация // Камско-Волжская речь. 1914. № 164. 25 июля.
- 16 Лаишев. Борьба с пьянством // Камско-Волжская речь. 1914. № 245. 4 ноября.
- 17 Лаишевское земское собрание // Камско-Волжская речь. 1914. № 263. 26 ноября.
- 18 Лаишевский уезд. Два приговора и шинкарство // Камско-Волжская речь. 1914. № 165. 26 июля.
- 19 Цивильский уезд. Возрождение пьянства // Камско-Волжская речь. 1914. № 263. 26 ноября.
- 20 Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и о действиях уездной управы за время с 1-го июля 1900 г. по 1-е июля 1901 г. – Казань: тип. П. И. Кидалинского, 1901. С. 42.

21 Букреева О. Г. Культурно-просветительская деятельность попечительства о народной трезвости в России в конце XIX – начале XX в. // Технологии социально-культурного воспитания. С. 79.

22 Мурзиха, Лаишевский уезд. Общественная библиотека // Камско-Волжская речь. 1912. № 172. 2 августа.

23 С. Мурзиха, Лаишевский уезд (Обо всем понемногу) // Камско-Волжская речь. 1912. № 57. 11 марта.

24 Лаишевский уезд. Насажение трезвости // Камско-Волжская речь. 1914. № 154. 13 июля.